

Общая гал. - 1995 - 27 июля - с. 10.

Борис Заходер:

Поэзия без «дхвани» — не поэзия

— Сколько их — ваших соавторов?

— Много, много. С одним из них произошла забавная история. Был прекрасный польский поэт Бжехва. Он знал, что мы с ним «соавторы». Я напечатал, кажется, в «Литературке» перевод из Бжехвы, а редакция выпустила указание, что это перевод, и оставила одну мою фамилию. Тут же нашлись доброхоты, которые написали и в «Известиях», и даже самому Бжехве, что я его обокрал.

Я узнал об этом, получив письмо от Бжехвы, который написал: какой-то сукин сын пытается нас с вами посорить. А в доказательство, насколько мои стихи — это ваши стихи, — писал он, — присылаю вам две маленькие вырезки. Там ваш перевод и перевод вашего перевода обратно на польский язык, выполненный Виктором Ворошильским...

Это довольно известное стихотворение — «География всмятку». Бжехва написал про то, как глобус попал под автобус, и с него исчезла Варшава. А я ситуацию локальную, польскую, сделал всеобщей. Получилась веселая, глобальная катастрофа. «Черное море совсем побелело и неизвестно даже ученым, Белым его называть или Черным». Но главный мой соавтор, к сожалению, не ведающий об этом, — Гете.

— А с Гете вы тоже себе позволяете такие игры?

— Естественно. Но, конечно, игры другие. Я следую его заветам. Гете говорил, что надо переводить так, как написал бы сам автор, — если бы писал на этом языке. Это, конечно, удастся только в лучшем случае раз-другой, правда русский язык помог мне сделать старику подарок. Например, из «Западно-Восточного Дивана»: «Нам пить вино запрещено.../Что ж, так тому и быть./Но, если уж придется пить — Пей доброе вино:/И смех и грех гореть в аду/За то, что ты лакал бурду...» Вот этого, нужного, как воздух, «и смех и грех» — у немцев нет. Русская идиома здесь была нужна как воздух.

— Но ведь слово Гете обязательно несет в себе архаику, которой у вас нет.

— А вот этим пусть занимаются крохоборы и буквееды. Все это ерунда — что нужно воссоздавать форму, фонетическое звучание. Нужно стараться воссоздать поэзию. У одного автора — я с ним всецело согласен — сказано «Поэтов нет. А есть один поэт». И надо заставить этого поэта звучать сегодня и по-русски. Иногда это получается не сразу. Некоторые свои вещи я дописываю, докручиваю всю жизнь. У меня

Поэта Бориса Заходера знают все.

Еще бы — «Винни Пух», «Алиса», «Мэри Поппинс».

Поэта Бориса Заходера не знают совсем. Книга его «взрослых»

стихов не издана. Нечастые журнальные публикации

замечаются, как это ведется,

«своими». Иногда кажется, что фамилия «Заходер»

обречена на соседство второго, пусть и гениального, имени.

Сам же Борис Владимирович объединяет эти имена словами

«мои соавторы».

было мало стихов, которые сразу обрели свою законченную форму. Ощущение: не промыто. Знаете, как фотографии промывают снимки, пока не добьются нужной им четкости. Вот и мне все хочется промыть. Только сейчас, в новом издании «Винни Пуха», мне удалось одно место, которое 35 лет не удавалось. Конечно, этого никто не заметил...

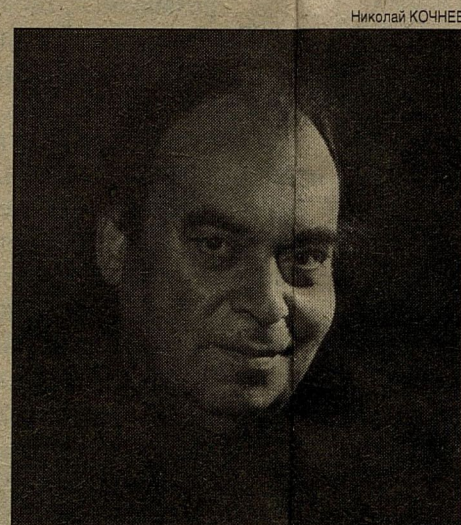
— Какое место?

— Это когда у Совы обвалился дом, и ей все помогают вытащить оттуда ее имущество. Кенга страшно возмущается тем, что она в доме у Совы увидела. «Боже мой, что это за грязная тряпка?» «Это не тряпка, а посудное полотенце», — отвечает Сова. «А это что за безобразие?» — говорит Кенга. — До чего ты довела дом! Тут у тебя поганки». «Господи, если уж не могут отличить губку от поганок, то в хорошенькие времена мы живем».

Сейчас я это место наконец «промыл». «Дайте, дайте посмотреть!» — кричит крошка Ру. — Сова, знаешь, что это такое? Это не губка. Это губьяка. А знаешь, что такое губьяка? Это когда твоя губка превращается в бя...» Тут мать его одергивает: «Нельзя так разговаривать с тем, кто умеет правильно написать слово «суббота».

— Про вас говорят, что вы сбежали в детскую литературу.

— Ну, что значит «сбежал»? Я в детской литературе нашел возможность сказать очень многое в приемлемых формах. Наша литерату-

Николай КОЧНЕВ

ра, так называемый социалистический реализм, при котором я начинал, это ведь что такое? Это, на самом деле, детская литература. Писатели были обязаны поучать. Я решил, что уж если поучать, то лучше детей. Стыдно поучать взрослого человека. Есть и более серьезные причины. Я отношусь к детской литературе как к высшему классу литературы. Недаром она появилась так поздно, лишь в конце XIX века. И требования к ней должны быть очень высокие. Ведь писать для ребят — это как запуск космической ракеты: если вы отклоняетесь на какую-то долю секунды, то можете попасть в другую галактику.

— Такое бережное отношение к ребенку и чрезвычайно скептические ваши стихи и эпиграммы предполагают автора, с тоской глядящего на жизнь.

— Я гляжу на жизнь очень оптимистично — насколько это возможно.

— О «Винни Пухе» говорят как о книге философской. Одни находят там учение «дзен». Другие утверждают, что это «Карнеги для детей». Вы философ?

— Что вы, что вы. Я же детский поэт. «О тебе говорят, как о детском поэте./А я разве спорю, милые дети?». Я хорошо понимаю, что стихи, настоящие стихи, имеют очень ограниченную аудиторию. Ведь еще отцы церкви говорили: написанное со Святым Духом может быть прочитано только со Святым Духом. Американистический поэт Торо сказал, что человечество

никогда не прочтает стихи великих поэтов. Я бы только убрал эпитет — великий. Дело все в том, что стихи... их сам ты не найдешь. Они должны тебя найти. Тебя найти и на тебя найти. И читать стихи, и писать — для этого требуется живейшее расположение души, как говорил Пушкин. Вдохновение.

Великий индийский литературовед, Ананда Вардхана, живший в XIV веке, посвятил целую книгу пониманию стихов. Тому, как отличить стихи от того, что стихами не является. Книга называлась «Дхваньялока». «Дхвани» — это и есть тот критерий, по которому можно отличить подлинную поэзию. И вся книга посвящена описанию того, что такое это «дхвани». Книга толстая, с множеством примеров. Но заканчивается совершенно очаровательно: «Такова природа этого «дхвани», — пишет автор, — и присутствие его совершенно очевидно для обладающих сердцем». Между прочим, у моего любимого соавтора, Гете, я нашел на эту же самую мысль.

В великом романе XX века — «Положения бравого солдата Швейка» есть такой эпизод. Швейк сидит в сумасшедшем доме, где один из его сопалатников утверждает, что земля представляет собой полный шар, внутри которого находится другой полный шар, но гораздо большего диаметра. Вот это, на мой взгляд, самое удачное определение поэзии. Шары, конечно, не полые, но каждый внутренний — действительно большего размера, чем наружный. Если вдруг, как говаривал Николай Васильевич Гоголь, становится видно страшно далеко во все концы света — это и есть поэзия. Если этого нет, то можно дойти до уровня стенгазеты.

— Вы сказали, что человечество еще долго не прочтет своих поэтов. И оно же без них не может жить.

— Оно их читает. Идет очень медленный процесс превращения человека в человека, если говорить серьезно. Хотя, конечно, известно, что науки и искусства не способствовали украшению нравов. Господин Жан-Жак Руссо получил даже первую премию французской академии, отрицательно ответив на этот вопрос. Но я думаю, что все-таки идет какой-то прогресс. Уже неприличным становится национализм. Уже перестают друг друга есть. Людоство присутствует только в самых отсталых племенах. И то они оправдывают это гигиеническими соображениями. Вообще можно много придумать оправданий, чтобы кушать друг друга. Но уже это перестало быть повальным явлением.

— Вы не думаете, что человек становится все ужаснее и ужаснее?

— Нет. Я думаю, что он... одновременно развивается сразу во все стороны. Кто-то из японских философов сказал совершенно изумительно, что боги над нами смеются и самое высшее, чего может достигнуть человек, — это ответить улыбкой на улыбку богов.

— Вы все-таки философ?

— Да нет. Я стараюсь понять предмет.

— А что является предметом?

— Все. Вы — предмет. Ваши очки — предмет. Свет — предмет. Все — предмет.

— А есть что-то, что не является предметом?

— То, на что мне наплевать.

Искусство, поэзия находятся между Сциллой и Харибдой. Харибда, может быть, — от слова «харя»? — это есть потрафление черни, китч, халтура. Сцилла — это снобизм. Это герметичность в искусстве, так называемая элитарность.

— Но если человечество не читает своих поэтов, пусть это делают хотя бы снобы.

— Снобы — не читатели, так же, как и потребители «мыльных опер».

Понимаете, в чем штука... Вспомним, что такое стихи и как они появились. Я когда-то, когда начинал свою деятельность, сказал: писать надо так, как будто не только книгопечатания, но и письменности еще не изобрели. Надо, чтобы стихи запоминались. И вот это, кстати, и было всегда моим творческим методом, если так позволительно высказаться. Потому что я старался их запоминать, и каждый раз запоминал их немножко по-другому. Они, тешу себя надеждой, немножко улучшались. Я был сам себе фольклор.

Народные песни, что дошли до нас, древние сказки — это лучшие варианты стихов, которые запомнили человечество.

— Кто из поэтов-современников вам интересен?

— Владимир Высоцкий, по-моему, гений. А интересны многие. Мы, кажется, договорились. На свете есть один поэт. И каждый поэт — его частица.

Порой проходят долгие века,
Сменяются десятки поколений
Пока прибавится одна строка
В собрании его стихотворений
Рассеянных, как золото в песках
Во всех эпохах, странах, языках...